

— Верно, — сказал Кэрн.

Тота всмотрелась в красную лужу, сквозь звезды, которые не были звездами, и ударила по ней рукой, разбив изображение. Безумие пронеслось в ней, и магия хлынула под кожей, впиваясь в поры и прося освобождения.

И дело было не в том, что Кэрн победил. Она оставила анклав относительно свободным в качестве пробного варианта. Тревогу вызывало то, как он победил, казалось, без всяких усилий.

Сломать его. Сломать все.

Теперь безумие стало настойчивым. Она слишком сильно истекала кровью. Через несколько мгновений она перейдет точку невозврата, и безумие потребует от нее чужой крови. Врага, союзника, это не имело значения для красного предвестника, который мучил ее. В конце концов, она позволит ему пировать и насытиться. В этом была своя польза, но в данном случае от этого было больше вреда, чем пользы.

Тота поднялась на ноги, не в силах полностью поднять голову, ее позвоночник дергался, она потащилась по подземелью. С каждым шагом безумие усиливалось, подергивания становились все более выраженными. С мрачным раздражением она поняла, что переутомилась. Предвидение никогда не обходилось дешево — как по цене крови, так и по умственному напряжению.

Она достигла цели: неприметного участка стены. Для любого другого человека стена была бы такой же, как и все остальные в подземелье. В поле зрения мага была маленькая черная точка, плавающая и окутанная пеленой.

Тота провела по ней пальцами и разорвала. Образовался мерцающий портал размером не больше карманного зеркала. Один из ее многочисленных тайников по всему логову. Тота извлекала содержимое одно за другим — серию высококонцентрированных припарок. Она ненавидела их. Ненавидела свою зависимость от них. Но они были необходимы.

Изопсилхизокс, чтобы отвлечься от шепота и потребностей.

Октаимионцин, чтобы очистить разум от вялого помутнения и апатии, в которые ее погружал изопсилхизокс.

Дуосувид, чтобы предотвратить неизбежное привыкание и зависимость от обоих препаратов.

Это был ее метод, когда ей нужно было думать. Планировать.

Череда событий, предшествовавших неудачной атаке на анклав, была наполовину объяснима.

Во-первых, нужно было разобраться с несколькими идиотами-метаморфами, а начало цикла всегда было тяжелым. В самом начале она уже была ослаблена до неприемлемой степени, а перенос себя назад после этой точки ослаблял еще больше, ограничивая ее возможности на месяцы и оставляя ее смертельно больной, восстанавливающейся неделями.

Раздражает.

Ситуации не способствовал тот факт, что Барион снова и снова доказывал, что он имбецил — нет, пожалуй, это неправильное слово. Он был фанатиком. Идеологически извращенный, всецело сосредоточенный, с настолько узкой линзой концентрации, что она оставляла его открытым для многих направлений атаки. Она уже разыгрывала этот сценарий без проблем, много раз: заманивала принца в Эвервуд, позволяя Бариону играть в свои маленькие игры. Это была легкая и в целом бессмысленная игра. Небольшая, но служившая нескольким целям: помучить Кэрна, и зачастую привести к первоначальному пробуждению, которое пригодилось бы позже.

Она мрачно улыбнулась. Барион обрадуется этой победе и воспримет ее как подтверждение и оправдание своих методов. При этом он полностью игнорировал гораздо более очевидную реальность, что важен был не метод, а субъект. Как только Кэрн пробуждался, а Тота восстанавливала свои силы, она врывалась и крала мгновение, смакуя безнадежность Бариона, осознавшего, что мир никогда не узнает о его «достижении», а его история останется в памяти лишь немногих, как чудовищный провал.

Но Кэрн пробудился в Эвервуде еще до встречи с Барионом. Такого раньше не случалось.

Тем не менее это было вполне возможно. Кэрн обладал потенциалом. Если на него нападут, если стресс будет достаточно велик, раннее пробуждение можно будет объяснить как еще один способ, с помощью которого изменчивость времени дала о себе знать. Тота давно усвоила, что время — ненадежная владычица. Самая незначительная мелочь может привести к кардинально иному будущему. Ребенок бежал по улице, споткнувшись о камешек, упавший на дорогу. Камешек послужит последним толчком для колеса повозки, и колесо сломается, опрокинув перезрелые продукты на лорда, направлявшегося на вечеринку, тот будет вынужден вернуться домой и опоздать к вечеру нарушив приличия, полностью изменив распорядок дня и будущее всех, с кем лорд общался в тот вечер, и всех, с кем они, в свою очередь, будут общаться по-иному, и всё из-за такого маленького, незначительного отклонения.

Затем, когда Барион ослабил свою защиту, Кэрн и Майя убили его вместе, забрав себе его высшего демона.

Это было труднее объяснить, но все же возможно; вероятность такого странного, менее процента, стечения обстоятельств, что слизняк рано пробудился, подружился с инферналом, которую Тота знала по личному опыту, как весьма полезную, хотя и нуждающуюся в исправлении, и победил призрака, казалась невероятной.

В то время это отклонение было забавным. Очень желанное изменение темпа жизни посреди бесконечного, мучительного повторения.

Потом Холис. Ее губы скривились. Этот маленький городок должен был стать местом его гибели. Она знала, что должна убить его после Эвервуда или сломить окончательно. Это разрушит ее планы и, возможно, всю петлю, но это было предпочтительнее альтернативы: маленький принц набирает силу. В своем неизменном состоянии принц был похож на массивный валун на вершине бесконечного холма. Безвредный. Ничтожный. Пока он не начинал скатываться.

Тота слишком хорошо знала, какой проблемой может стать этот валун, даже если сейчас он не представлял для нее никакой опасности. В конце концов, когда-то, много веков назад, она добровольно встала на пути этого валуна.

И это сделало ее такой, какой она была сегодня.

Она решила, что будет лучше убить его в Холисе, просто ради безопасности. Но ее любопытство разгорелось. Она снова использовала гадание, чтобы подсмотреть за ним. Этот процесс был несовершенным по замыслу. Он обходился очень дорого, помимо пролитой крови, а изображение и звук почти всегда искажались. Обычные шпионы были лучшей альтернативой, но создание сети было утомительным и требовало времени.

Поэтому она заглянула в кровь и увидела нечто такое, что развеяло ее планы в прах.

Кэрн признался инферналке, что у него были видения. Этого не должно было быть. Это все меняло.

Уничтожь все отвлекающие факторы, пока не останется только твой путь.

Голос ее хозяина нашептывал ей из могилы. Она покачала головой. Раздражает. Злит. Всё шло не так обычно.

Шаги потревожили ее, нарушив концентрацию.

— Я выпорю тебя за твою дерзость, — прошипела она. Она мотнула головой в сторону, ища источник беспокойства, стоявшего ей за плечами.

Шаги приостановились. Голос неуверенно позвал. — Это что, театр? Или мне лучше вернуться позже. Никогда не могу понять.

Гаст стянул свой меховой плащ и сел напротив нее. Его суровые черты впились в нее, глаза метнулись к луже крови, а затем снова к ней. Она отступила назад и села на колени. Обычно такая поза слабости была бы неприемлема, но Гаст был другим. Тени меньше беспокоили ее, когда он был рядом. Во многом это был эффект, противоположный тому, что оказывал Кэрн.

— Незаслуженная самоуверенность легко гибнет перед ножом, — сказала Тота.

— Вы ведь знаете, что гадание ненадежно, верно? Что оно может работать против вас множеством способов? — спросил Гаст.

Неважно. Это была временная мера.

— Новости из Пантании? — спросила Тота.

— Да. Миссия прошла успешно. У нас есть люди, внедряющиеся в различные знатные дворы. И наши контакты нашли ту небольшую шайку магов, о которой вы говорили. Многообещающе, если только они не пытаются все приукрасить.

— Не приукрашивают. — Тота приподняла бровь. — Если только ты не сомневаешься в моих суждениях.

— Нет, для человека, появившегося из ниоткуда, вы составили чертовски хороший план — по большей части.

Она с неудовольствием отметила, как он сделал акцент на последней половине фразы. — Тонкость не является вашей сильной стороной.

Он подошел к теме окольным путем, как охотник обходит раненого зверя. — Просто... вспомнилась одна история. Когда-то я знал одного человека. Маг, специализирующийся на огне. У него было редкое расстройство. Нечто, что испортило его магию, но этот... мудака... это сделало его только сильнее. У него было богатство, престиж, все, что только может пожелать человек.

Тота уставилась на Гаста, не мигая, желая, чтобы тот ускорил бессмысленный рассказ.

— Так вот. Этот парень. У этого болвана — не могу вспомнить, как его зовут, есть всё, что можно пожелать. Но у него есть порок. Ни женщины, ни мужчины, ни выпивка. — Гаст покачал головой. — Часы. Причем не наручные. Большие, механические часы. У этого ублюдка была целая комната для них. Каждый раз, когда он покупал новые, он забирал их домой и возился с ними часами, пока они не становились идеально синхронизированными с остальными. Сотни таких часов. Тикают в идеальном ритме.

Кровавые руки тянулись от стен, пола, потолка. Их присутствие нависло над Тотой, шепча ей. Она несколько раз моргнула, и призраки рассеялись.

— Я так понимаю, ты искал его не как единомышленника? — сказала Тота. Сказать это было необходимо. История ее не интересовала. По правде говоря, она уже слышала ее раньше. Но Гаст был из тех, кто начинает возмущаться, если его не впутывают в дело. Убивать его всегда казалось расточительством.

— Нет, — усмехнулся Гаст. — Это была работа, за которую мне платили недостаточно. В

общем. Я не мог понять, как к нему подступиться. Его контроль был абсурдным, он был единственным магом в округе, а половина города была напичкана огненными ловушками. Многочисленные запасные варианты и пути отхода, слишком много, чтобы их можно было сосчитать, не говоря уже о противодействии. Но, как и он, я постоянно возвращался к часам. Это была единственная комната в доме, которую он оставлял без присмотра.

— Кажется, мораль этой истории стремительно приближается.

— Неа, — сказал Гаст тоном, который говорил об обратном. — В любом случае, я изменил дверь и создал вакуум в самой комнате. Как только он вошел в комнату, все защитные механизмы в остальной части дома стали бессмысленны. Его пути отхода — бесполезными. Воздух высасывался прямо из его легких. Он умер, багровея, наблюдая, как тикает его время. Вся эта сила. И все напрасно.

Тота еще раз напомнила себе, что Гаст был попузан. — Еще одна грязная история о Маге-Убийце, — усмехнулась она. — Но ты проводишь опасные умозаключения. Особенно когда продолжаешь называть его идиотом.

Гаст, казалось, почувствовал опасность и остановился, давая рассказу угаснуть, прежде чем заговорить снова. — Я не понимаю, почему вы не захватили анклав.

— Есть и другие причины.

— Из-за слов сумасшедшего ребенка? — спросил он.

— Если боги возродились... — Взгляд Тоты поплыл. Она отчетливо помнила те дни, когда она еще не полностью обрела свою силу. В нее неоднократно ударяла молния. Ее разрывали на куски медведи. Поглощала земля. Сама судьба изгибалась, борясь с ней на каждом шагу.

— Боги отвернулись от нас. От всех. Вы сами это сказали. Их больше нет.

Она стиснула зубы. Конечно, он не мог понять, насколько это важно. Прошли сотни лет с тех пор, как вмешивались боги. Возможно, больше. Считать было невозможно. Если существовала хоть малейшая возможность их вмешательства, она должна была знать. События развивались слишком стремительно, слишком быстро, и он был слишком ограничен, чтобы увидеть полную картину. Теория нуждалась в дальнейшей проверке. Как много Кэрн помнил? Насколько глубоко простирался обман? Знал ли он?

Тота вспомнила, как он смотрел на нее после боя у Холиса. Мятежность. Ненависть.

Нет. Это не могло быть правдой. И не будет правдой еще тысячу лет, а может, и больше. Никогда не будет правдой, каким бы жалким он ни был. Но это может быть возможностью вывести на чистую воду любого бога или кого-то другого, кто манипулировал событиями за

кулисами. Возможно, есть способ получить ответы и одновременно успокоить Гаста.

Тота улыбнулась ему. На мгновение показалось, что Гаст может съежиться от дискомфорта. — Ты говоришь неразумно. Но не лживо. Возможно, настало время приложить к происходящему тяжелую руку.

— Значит, вы позволите мне покончить с этой... помехой? — Гаст оставил вопрос в подвешенном состоянии.

— Было бы разумно убить его, пока он изолирован и уязвим. — Она увидела его колебания, его страх и широко улыбнулась.

— В святилище? Если вы не собираетесь раскрывать свой секрет, позвольте напомнить вам, что я не разделяю ваш иммунитет.

— Ты смеешь сомневаться во мне? — Ее голос наполнил комнату, и вода задрожала.

— Нет, госпожа, — медленно произнес он, потрясенный.

Тота на мгновение замолчала. — Этот вопрос решится сам собой со временем. Есть еще кое-что, на что ты должен обратить внимание. Появился неизвестный.

Тота направила магию, теплый свет исходил из ее ладоней и формировал изображение. Оно приобрело желтый, оранжевый и тускло-белый оттенок, когда солнце в изображении зашло за дальний холм. Изображение сфокусировалось на сцене, которую она наблюдала много раз, и принц, пошатываясь, вышел в поле и упал на колени. На первый взгляд казалось, что он был один. Но там был еще один человек, настолько нематериальный, что почти не ощущался.

Ненависть пустила корни в ее сердце, целиком и глубоко.

Гаст наклонился вперед, прищурившись. — Дух?

— В некотором роде.

Он фыркнул. — Сначала демоны, теперь духи. Ваша игрушка, несомненно, набирает силу.

Тота сдержала гневную отповедь. Вопрос о том, как именно Кэрну удалось удержать демонов от нападения, все еще оставался огромным провалом, а она по опыту знала, насколько жизненно важным может быть даже самый маленький кусочек знания.

Гаст достал из плаща связку бумаг и начал делать наброски, пока она крепко держала

изображение. — Я изучу это. Спрошу у кого-нибудь из академиков.

— Не беспокойся, — сказала Тота. — Я уже знаю, кто она.

— Она? — Брови Гаста сузились в замешательстве.

— Ее зовут Хильда.

<http://tl.rulate.ru/book/77890/2551649>